ТРУДЫ

ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР · ЛЕНИНГРАД · 1932

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
5 июля 1932 г.
Непременный секретарь
Редактор издания академик Н. С. Державин
Технический редактор Л. С. Ляпунова
Сдано в набор в марте 1931 г. — Подписано к печати 5 июля 1932 г.
VIII + 534 + XXIV стр. — 2 фиг.
35 6/8 печ. л. — 39690 печ. зн. — Формат бум. 72 × 110 см. — Тираж 1000
Ленгорлит № 39617. — АНИ № 198. — Заказ № 515
Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия, 12

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи и исследования

II. Заметки и материалы

III. Материалы по истории науки

IV. Критика и библиография

И. И. СОКОЛОВ

Мариупольские греки

I. Мариупольские греки до поселения их на Украине (XV—XVIII вв.)

В группе многочисленных греческих поселений в пределах СССР, представляющих большой интерес для изучения в историческом, диалектическом и краеведческом отношениях, особое место занимают город Мариуполь и греческие села Мариупольского и Сталинского округов на Украине. Поселение греков на Мариупольщине и Сталинщине относится к 1778—1780 гг. Оно было связано с социально-экономическими условиями жизни и быта греков в Крыму, откуда состоялось их переселение на Украину, и было вызвано особыми обстоятельствами времени.

Крым — давняя колония греков. Не углубляясь в классическую эпоху [1], надлежит сказать, что уже в IV в. н. э. Таврида вошла в устойчивые культурные и административные отношения с Византийской империей, которые в последующее время развивались и крепли, сохранив свою силу и значение до половины XV в. Здесь официальным языком был — со времени Юстиниана — язык греческий, на котором сохранился и довольно большой эпиграфический материал, касающийся различных сторон местного социально-экономического быта; здесь почти всюду раздавалась греческая народно-разговорная речь, так как греческое население было господствующим в Крыму; здесь, при активном участии греков, происходили важные события общественного порядка, нашедшие яркое отражение в памятниках византийской исторической письменности. Центром экономической жизни Крыма служил город Херсон с организованною на полуострове фемою (с IX в.), которая была типичным административно-военным, податным, торговым, земельно-хозяйственным народно-общественным укладом жизни и

[1] «История Боспорского царства» в Крыму от VI в. до н. э. и по IV в. н. э., в связи с историей эллинизма, изложена акад. В. В. Латышевым в его Ποντικά, стр. 60—128. Л., 1909.

быта на северовосточной окраине Византии. Херсон был главным городом (полисом) Крыма, где была сосредоточена торговля между нашим Причерноморьем, с одной стороны, и Константинополем и Трапезунтом — с другой. Здесь концентрировались и книжные собрания края, школы и учителя, распространявшие греческий язык и литературу не только на полуострове, но и за пределами его. Жизнь народа в селах и деревнях, с преобладающим земельно-хозяйственным бытом, строилась на основе мелкого землевладения и общинного устройства, в противовес феодальному властельскому засилью, которое и в Крыму стало назревать в средине X в. Торжество греческой культуры было здесь настолько значительным, что вторжения в пределы Крымского полуострова различных «варварских» народов (готов, гуннов, хазар, печенегов, русских) не оказали существенного влияния ни на греческий язык, ни на основные проявления в общественном укладе трудящихся греческих масс. Когда Константинополь был завоеван четвертым крестовым ополчением (1204 г.), Херсонская область вошла в экономическое и культурное общение с Трапезунтской греческой империей и попрежнему сохраняла преобладающий греческий характер. Трудящиеся греческие массы, несмотря на последовательно сменявшиеся иностранные влияния, особенно со стороны татар (XIII в.), попрежнему хранили родной язык и находились в культурном общении с населением греческих империй как Трапезунтской, так и Никейской. После изгнания франков из Константинополя (1261 г.), общение греческого населения Крыма с Византией оживилось и возросло, особенно в области социально-экономических отношений. Этому отчасти содействовало утверждение генуэзцев в Кафе (Феодосии) и венецианцев в Сугдее (Судаке), развивших крупные торговые операции не только с Византией, но и с некоторыми западно-европейскими государствами, и оказывавших дипломатическое противодействие татарскому влиянию в Крыму. В конце XIII в. и в течение всего XIV в. византийская культура была здесь преобладающей, исконное греческое население хранило родной язык и сознание своей народности. К этому времени относится несколько актов на грečескам языке, составленных в Константинополе, характеризующих социальный быт греков в округах Херсона, Готии или Готфии, Сугдеи или Сурожа, Фулл, Кафы и Боспора Таврического (Керчи) и определенно выясняющих структуру общественных здесь отношений по византийско-константинопольскому образцу.[1] Кафа и Готфия официально сохранили административно-общественное единение с Константинополем и накануне падения Византии.

[1] Miklosich et Müller. Acta p-tus Constantinopolitani, t. I, pp. 75, 76, 184 etc., t. II, pp. 42—44, 65—67, 127—133, 147—150 etc. Vindobonae.

В то же время не прекращались культурные сношения греков Крыма с малоазийским очагом эллинизма, концентрировавшимся в Трапезунте. Но в общем середина XV в. была тяжелой и смутной порой в истории греческих трудящихся масс в Крыму, вследствие осложнившихся политических отношений между генуэзцами и татарами, возникших на полуострове беспорядков и надвигавшейся на Крым грозы со стороны османских турок. Падение Константинополя в 1453 г. вызвало чувство глубокой скорби и уныния и среди крымских греков. Памятником этого служит «Плач» (θρῆνος) на взятие Константинополя, который до настоящего времени сохранился в народной памяти и в минорных тонах поется греками Мариупольщины и Сталинщины в обширной редакции, отличной от зарубежных изводов этого общенародного греческого произведения и указывающей на несомненное преемство от византийской традиции.[1]

После завоевания османскими турками Константинополя и Трапезунта (1461 г.) та же участь постигла и греческое население Крыма (1475 г.), который еще при султане Магомете II[2] вошел в состав вассальных владений Отоманской империи на положении отдельного ханства, под управлением татарской фамилии Гераев или Гиреев. С конца XV в. и до последней четверти XVIII в. внутренние отношения в Крыму складывались и протекали под воздействием двух начал — местного татарского, стремившегося к самобытности и самостоятельности, и внешнего турецкого, стремившегося с наименьшими затруднениями сохранить здесь сюзеренную власть турецких султанов, по мотивам финансово-экономическим и политическим.[3] Эта двойственность начал во внутреннем устройстве Крымского ханства неблагоприятно отражалась на финансово-экономических его отношениях и на политической судьбе, а вместе с тем создала и усилила национальную рознь в составе разноплеменного населения Крыма и подготовила классовую борьбу трудящихся масс с турецко-татарскою феодально-помещичьей знатью. В частности, греки, не смотря на сравнительную свою малочисленность, никак не могли войти в тесное единение ни с правительством, ни с господствующей народностью Крыма и в течение трехвекового экономического засилья турецко-татарской феодально-помещичьей среды продолжали сохранять свою национальную самобытность и родной язык.

[1] Судьба эллинизма в Крыму в византийскую эпоху рассмотрена здесь лишь в общих чертах, так как этому вопросу посвящена специальная наша статья «Греки в Крыму в византийскую эпоху»

[2] Μετ' οὐ πολὺ δὲ πορευθεὶς [ὁ σουλτὰν Μεχμέτης] ἔλαβε τὸν Καφάν, τοὺς Θεοδώρους, τὴν Γοτθίαν καὶ πᾶσαν τὴν περίχωρον ἄνευ πολέμου τινός, καὶ ἔφερεν αὐτοὺς σουργουνίδας [παροίκους]. Historia politica et patriarchica Constantinopoleos, p. 45. Bonnae, 1849.

[3] В. Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII в., стр. 307. П., 1887.

Греки жили преимущественно в югозападной прибрежной части Крыма, на территории бывших византийских областей-епархий Сугдейской, Фулльской, Готской и Херсонской, в городах Кафе, Эски-Крыме, Судаке, Бахчисарае, Мангупе, Ямболе или Балаклаве, Херсоне, Инкермане, а равно в Ялте, Гурзуфе, Алуште. Больше же всего греки обитали в многочисленных селах, раскинутых как по всему юго-западному побережью Крыма, так и на ровных степных пространствах внутри указанных областей, а также близ отрогов гор на границе между Сугдейской и Фулльской областями и на юге Готии (Яйлы). Греческое население городов занималось преимущественно торговлей, центром которой служила Кафа, куда, по сообщению от 1578 г., торговые корабли плыли с греческих островов ближайших и дальних (из Архипелага и Средиземного моря), а чаще всего из Константинополя, совершая путь, при попутном ветре, в два дня или несколько более.[1] В селах греки занимались земледелием, скотоводством и садоводством. Немногие из них жили на собственных землях и составляли свободные крестьянские общины, большинство же сидело на землях тимариотов или феодалов из турецко-татарской знати и чиновничества и возделывало поля и работало на положении невольников. Крымские поля отличались большим плодородием и давали обильный урожай, а «бесконечные сады и виноградники» тянулись почти по всему юго-западному краю полуострова. Рыболовство и охота также были обычным занятием греков. Вся юго-западная часть полуострова и в конце XVI в. была еще обвеяна эллинским духом: всюду были развалины греческих городов и разных общественных сооружений, встречались многочисленные надписи на греческом языке, раздавалась живая разговорная греческая речь, соблюдались старые обычаи, поддерживалась непосредственная экономическая и бытовая связь с греками Константинополя и островов Архипелага.[2] Но «гордые, несогласные и мятежные греки» продолжали держаться обособленно от других народностей Крыма, хранили свою самобытность и язык и нелегко подчинялись культурному воздействию окружающей турецко-мусульманской среды. Это обусловливалось различными причинами.

Прежде всего, социально-экономические и политические условия в положении греков создавали их изолированность и обособленность от массового татарского населения. В гражданско-политическом отношении греки, как покоренные силою оружия, не имели никаких прав в мусульманском государстве, были обречены, по приговору мусульманских законов,

[1] Мартин Броневский. Описание Крыма. Записки Одесск. общ. ист. и древн., т. VI, стр. 348.

[2] Мартин Броневский. Там же, стр. 340, 343, 346, 347, 351 и др.

на всегдашнее рабство, обязаны были платить харач или поголовную подать за право существования на мусульманской земле, нести натуральную «повинность крови» или «дань сыновьями» (φόρος τοῦ αἵματος, παιδομάζωμα) для пополнения султанской гвардии янычар, платить повышенные налоги — таможенный, промысловый, судебные и другие, и вообще были для турецко-татарского правительства Крыма, как и повсюду в Турецкой империи, лишь райей, обязанной всецелым повиновением и подчинением. Особенно тягостны были социально-экономические условия для феодального греческого крестьянства, которое занималось земледелием и скотоводством. Земельно-пастушеский быт греков-крестьян был обставлен различными податями и налогами, как законными, взимавшимися на основании мусульманского закона — корана и шери, так и государственными, установленными государственной властью Крыма по свободному ее выбору и решению. К законным податям относилась, кроме харача, десятина, т. е. поземельная подать, взимавшаяся с полей и состоявшая в сборе определенного процента с годового урожая. Десятина («ашар») по закону должна была взиматься в размере только одной десятой части с годового урожая каждого крестьянского хозяйства, но фактически она весьма нередко превосходила установленную норму и обнимала от одной восьмой до половины всего годового урожая в хозяйствах крестьян-греков. К тому же турецко-татарское правительство Крыма обыкновенно отдавало с торгов сбор десятины на откуп, а откупщики жестоко притесняли плательщиков налога. И вообще, система ильтизама широко применялась в Крыму и распространялась на соляной промысел и питейное дело, на рыбные ловли, сбор винограда и фруктов, на табак и лен, на пчел, рогатый скот и овец, на земляное мыло и изготовление свечей, а в городах еще на харчевни и кофейни, на таможенный сбор и на все вообще пошлинные налоги по торговле и промыслам.[1] Трудящиеся народные массы, без различия национальностей, были совершенно опутаны сетью откупных поборов, которые подрывали их экономическое положение, и стонали под бременем насилий и произвола со стороны агентов ильтизама. Нередко возникали на почве классовой борьбы народные восстания, которые еще более укрепляли разделение между греческим народом и турецко-татарским правительством Крыма.

Что касается государственных податей, взимавшихся с рабоче-крестьянского населения в Турции вообще и в Крыму в частности, то они были

[1] Ф. Лашков. Камеральное описание Крыма 1784 г. Изв. Таврич. уч. арх. комиссии, № 2, стр. 27—30, № 3, стр. 46 и сл. Симферополь, 1889.

и многочисленны, и разнообразны и состояли в дополнительных земельных налогах и пошлинах, в налогах за пастбища для скота, за зимнюю и летнюю стоянки («зимовка» и «летовка») стад скота в определенных местах, за стойла или загоны для крупного и мелкого скота, за пчел, мельницы, ремесла.... Так как греки Крыма интенсивно культивировали занятия скотоводством, то государственные подати по этой хозяйственной отрасли взимались с них в больших размерах. Греческое же крестьянство, занимавшееся земледелием, уплачивало еще громадный фуражный налог сеном и ячменем для правительственной кавалерии, несло ямскую повинность, снабжало пшеницей, овсом, ячменем и всяким фуражем войска во время весьма частых военных операций и карательных выступлений крымского правительства.[1]

К этим невзгодам греческого населения Крыма нужно прибавить и то, что оно фактически было лишено строгого покровительства законов: грек-крестьянин и на суде не находил необходимой защиты и помощи. Почин в притеснении греков нередко исходил и от татарских ханов.[2] Насколько безотрадно было вообще социально-экономическое положение греческого крестьянства в пределах Крымского ханства, — об этом хорошо свидетельствует народная поэзия, и до настоящего времени сохранившаяся в живом предании потомства, живущего в селах Мариупольщины и Сталинщины. Песню крымских греков нельзя и назвать песнью: это, — по характеристике одного местного исследователя Ф. А. Хартахая, — «вой беззащитного народа, безыскусственное описание возмутительных сцен и уныния — с замогильным голосом».[3] Вот один из памятников этого рода, свидетельствующий о «дани сыновьями» у греков Крыма в эпоху турецко-татарского владычества.[4]

Что вы сидите, дети архонтов?.[5]
Что смотрите и ждете?

[1] Мартин Броневский. Описание Крыма, стр. 357, 358, 361, 363; Ф. Лашков. Исторический очерк крымско-татарского землевладения, стр. 119—120. Симферополь, 1897; он же. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения, стр. 24, 58, 62, 63, и др. Симферополь, 1897. Для характеристики социально-экономического положения греков в Крыму имеют значение наши статьи: «Земельные отношения в Турции до танзимата» (журн. «Новый Восток», 1924, № 6, стр. 93—112); «Земельное податное обложение в Турции до танзимата» (там же, 1925, № 8—9, стр, 82—94) и «Быт крестьян в дореформенной Турции» (там же, 1926, № 13—14, стр. 58—70). См. также: Ф. Лашков. Сельская община в Крымском ханстве, стр. 5 и др. Симферополь, 1887.

[2] Н. Мурзакевич. Донесение российского резидента при крымском хане Никифорова о низложении Крым-Гирея, от 1764 г. Записки Одесск. общ. ист. и древн., I, 347.

[3] Ф. Хартахай. Христианство в Крыму, стр. 49. Симферополь, 1864.

[4] «Παιδομάζωμα — сбор сыновей» был уничтожен султаном Мурадом IV (1627—1640 гг.), но фактически существовал и в последующее время.

[5] Архонты — зажиточные греки.

Дракон пришел в округ
И собирает мальчиков.
Дракон этот есть Буюк-паша,
Страшный мусульманин.
Он имеет важный фирман
С печатью...
Приказывает и собирает,
Собирает детей архонтов...
Сорок мальчиков он собрал.
Такое зло сделал нам,
Сделал Ассан-мирза.
Теперь он радуется и погуливает,
Чтобы собрать еще сорок.
Сорок (мальчиков) взяли,
Отправили на корабль,
Чтобы отвезти их в Город,[1]
Чтобы там их потурчить.
Сорок матушек-матерей
Плачут и причитают
И не могут остановиться,
Плачут и детушки.
И когда корабль тронулся и пошел,
Тридцать матерей удушились
И десять зарезались.[2]

Особенно безотрадна и тяжела была доля девушки-гречанки из бедняцкой среды. Над нею, вследствие экономического гнета, висел жестокий обычай купли и продажи, как и теперь поется в одной песне мариупольских греков.

Моя мать-вдова голодала
И вывела продавать меня.
В семи городах мы побывали,
В восемнадцати магазинах.
Никто, никто не спросил обо мне,
Никто и слова не промолвил.

Но вот, — продолжает петь девушка, — явился молодой и красивый «горожанин» и дал денег без счету, взял ее за руку, спустился к морю и сел на корабль. Когда он хотел обнять девушку, корабль закачался, когда пытался поцеловать, корабль двинулся.

«Стой, стой, красавец!
Давай расспросим друг друга!»

[1] Разумеется Константинополь.

[2] Ф. Хартахай. Христианство в Крыму, стр. 52—53 (здесь песня напечатана в греческом тексте, но русским шрифтом).

И когда друг друга расспросили, оказались родными братом и сестрой. Они взялись за руки и пошли к матери.[1]

Из других греческих памятников известно, что даже в XVIII в. греки Крыма подвергались насильственной исламизации и различным притеснениям со стороны турецко-татарского правительства.[2] Ясно, что социально-экономический гнет вызывал лишь фактическую оторванность греков от татар, обособлял их от господствующей массы населения и, в частности, являлся одним из актуальных стимулов для сохранения родного языка, как фактора в развертывавшейся классовой борьбе. К тому же духовная культура крымских татар XVI—XVIII вв. была по существу несродна с византийско-греческой культурой,[3] развивалась своим путем и была неспособна привлечь греков в сферу своего недостаточно интенсивного воздействия.[4]

Другим фактором, содействовавшим сохранению среди греческого населения Крыма родного греческого языка и остатков старой эллинской культуры, был тот правовой административно-общественный уклад, который здесь утвердился с конца XV в. и оставался без существенного изменения до переселения греков из Крыма в пределы нынешнего Мариупольского округа. Дело в том, что политическое положение греков под двойственною властью татар и турок не устранило общественно-бытовой их зависимости от константинопольской патриархии. Напротив, турецко-татарское господство побуждало греков Крыма более пристально обращать свой взор к центру эллинизма, сохранившемуся в Константинополе, и искать здесь защиты от притеснений мусульман и руководства в организации народно-общественной жизни. В Notita episcopatuum Константинопольского патриархата от второй половины XV в. в числе митрополий, подчиненных вселенскому престолу, указаны на 65-м месте митрополия Готфии и на 66-м

1 Из нашего рукописного собрания песен и сказок греков Мариупольского и Сталинского округов. Греческий текст песни печатается особо.

2 М. Παρανίκας. Σχεδίασμα περὶ τῆς ἐν τῷ Ἑλληνικῷ ἔθνει καταστασεως τῶν γραμμάτων, σ. 181—182. Κωνσταντινούπολις, 1867; Ἐ. Κυριακίδης. Ἱστορία τῆς παρὰ τὴν Τραπεζοῦντα μονῆς τῆς Σουμελᾶ, σ. 149. Ἀθῆναι, 1898.

3 Своего расцвета крымско-татарская культура, особенно материальная, достигла в XIII—XV вв., а потом начался ее упадок, в связи с общим неустройством дел в Крымском ханстве. См. А. Башкиров и У. Боданинский. Памятники крымско-татарской старины. Новый Восток, 1925, № 8—9, стр. 295—311; И. Н. Бороздин. Солхат. Новый Восток, 1926, № 13—14, стр. 271 и сл., где указана и новейшая литература вопроса; он же. Новые данные по золотоордынской культуре в Крыму, стр. 20. М., 1927; В. Д. Смирнов. Крымское ханство, стр. 711 — 718.

4 А. Маркевич. Императрица Екатерина II и Крым. Изв. Таврич. уч. комиссии, 1897, № 29, стр. 25 — 27; Ф. Лашков. Исторический очерк крымско-татарского землевладения, стр. 20 — 22.

митрополия Кафы.[1] Каждый из митрополитов имел титул «пречестного — ὑπέρτιμος». Что касается Сугдеи и Фулл с относящимися к ним 10 селами, то они потеряли самостоятельное административное значение и принадлежали к митрополии то Готфии, то Кафы.[2] В августе 1618 г. для митрополии Кафы и Фулл в Константинополе был избран новый архиерей Геннадий.[3] Патриарх Парфений IV между 1665—1667 гг. присоединил митрополию Кафы и Фулл к митрополии Амасии в Малой Азии и образовал из них одну епархию под управлением Амасийского митрополита.[4] Но такое объединение продолжалось недолго. В июле 1678 г. константинопольский патриарх Дионисий IV выделил Кафу с Фуллами из состава Амасийской епархии, присоединил Кафу к Готфии и образовал из них одну митрополию с подчинением ее по прежнему юрисдикции вселенского патриархата.[5] В Notitia episcopatuum Константинопольского патриархата от 1710 г. на 55-м месте указана митрополия Готфии и Кафы, с титулом «пречестный — ὑπέρτιμος» для местного митрополита.[6] Известны и имена митрополитов этой области и других деятелей, греков по национальности, которые присылались в Крым из Константинополя по распоряжению вселенской патриархии для управления и устройства народно-общественных дел местного греческого населения,[7] применительно к общему правовому строю, установленному в греческих общинах в пределах Турции.

Известно, что султан Магомет II дал греческому народу в пределах Турции автономное управление. Во главе греческих общин находился константинопольский патриарх, имевший высшую власть не только духовную, но и гражданскую — в области администрации, суда, народного образования, общественной благотворительности и всего внутреннего строя в городских и сельских греческих общинах обширного вселенского патриархата. Как этнарх (ἐθνάρχης) греков, патриарх разделял свои разнообразные полномочия с провинциальными архиереями, имевшими в своих

[1] Ἐπαρχιακὰ ἐ. Κωνσταντινουπόλεως, σ. 211, Л., 1915.

[2] A. Papadopoulos-Kérameus. Documents patriarchaux. Труды VI Археол. съезда в Одессе, т. II, стр. 178, 179. Одесса, 1888. К сожалению, в документе не указаны названия десяти сел в пределах Сугдеи и Фулл или Σουγδαιόφουλλα.

[3] Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Ἱεροσολυμιτική Βιβλιοθήκη, т. IV, σ. 9—10. П., 1899. Ср. Νέος Ἑλληνομνήμων, 1907 (IV), σ. 200 (в 1651 г. митрополитом Кафы и Фулл был Кирилл, который в указанное время находился в Константинополе и принимал участие в центральном церковном управлении).

[4] Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Ἱ. Β., IV, 380.

[5] Μ. Γεδών. Πατριαρχικοί πίνακες, σ. 601, Κ-πολις, 1884.

[6] Ἐπαρχιακά κτλ., σ. 241.

[7] Ф. Хартахай. Христианство в Крыму, стр. 36; Арсений Иващенко. Летопись церк. событий, стр. 668. Л., 1899;. Ю. Кулаковский. Прошлое Тавриды[2], стр. 131. Киев, 1914.

епархиях такие же духовно-гражданские права, какие принадлежали патриарху в отношении всего греческого народа в Константинопольском патриархате. Все права и обязанности епархиальных архиереев подробно регламентировались султанскими бератами, которые выдавались Портою каждому из них при назначении на должность. Султанские бераты получались и греческими архиереями Крыма, полагались в основу всей их деятельности и являлись руководящим началом правового положения местного греческого населения. Сохранился берат митрополита Готфии и Кафы Гедеона (1725—1769 гг.), проливающий свет на правовые условия жизни и быта греков в Крыму.

Община греков обнимала города Кафу, Манкуп, Балаклаву, Судак и Азов с прилегающими к ним местностями и селами. Во главе общины был поставлен митрополит Гедеон, который являлся не только духовным ее начальником, но и гражданским представителем греческого народа пред государственной властью, ответственным за исполнение греками обязанностей верноподданничества. Митрополит управлял общиной автономно, без всякого вмешательства со стороны гражданской турецко-татарской власти. Он был свободен от податей и повинностей всякого рода. Задержание митрополита и суд над ним могли совершаться лишь при участии константинопольского патриарха. При митрополите находились особые учреждения для администрации и суда в пределах всей греческой общины Крыма. В суде рассматривались брачные и семейные дела греков, а равно и другие гражданские тяжбы, когда обе стороны обращались к этому суду. Митрополит утверждал завещания греков и этим сообщал им законную силу, судил, при помощи своего суда, споры и тяжбы их по завещаниям и относительно наследства, причем исполнение судебных решений принадлежало органам гражданской власти. Митрополит стоял во главе всего школьно-учебного дела у греков, давал разрешение на устройство греческих школ в городах и селах и содействовал восстановлению старых и открытию новых греческих школ, рассматривал и утверждал их программы и являлся ответственным перед правительством за направление всего обучения в греческих школах и воспитания. Митрополит утверждал избранных народом ефоров и попечителей школ, контролировал дипломы и свидетельства учителей и учительниц и утверждал их в должности, причем правительство не могло увольнять их без предварительного сношения с митрополитом. В митрополии священники приносили и присягу, когда это требовалось гражданским судом. Митрополия, церкви и монастыри пользовались правами собственности. Члены греческой общины всякого положения и состояния имели

право делать завещания в пользу общественных своих учереждений. Общественная благотворительность греков также находилась в ведении митрополита. Богослужение должно было беспрепятственно совершаться на родном греческом языке.

Являясь начальником всей греческой общины в гражданском отношении, митрополит имел своими помощниками и сотрудниками в управлении и суде выборных представителей народа. Каждый город, каждое село или деревня имели свою общественную власть, избранную местным греческим населением. Представители общинной власти назывались димогеронтами, иначе — проестосами, а по-турецки — коджабаши. Обыкновенно, народные старшины избирались в числе 12 человек сроком на один год и составляли особый совет, с избранным из их среды председателем. Димогеронты были попечителями своей общины и руководителями в народных делах. Они решали споры, возникавшие между жителями того или иного села, наблюдали за санитарным состоянием местности, управляли общественным имуществом, распределяли между населением назначенные на всю общину подати в пользу правительства, применяясь к имущественному состоянию каждого, принимали наследства, завещанные греками общине, опекали сирот, наблюдали за греческими школами и благотворительными учереждениями, заключали договоры с учителями, являлись посредниками между правительством и народом по общественным делам. Составляя постоянный народный совет, димогеронты по более важным и ответственным делам устраивали общие собрания жителей села. Роль димогеронтов упрощалась в тех селах и деревнях Крыма, где население было исключительно греческое. В городах же и селах со смешанным населением власть димогеронтов разделялась между греками и татарами, соответственно числу населения каждой народности. В этих общинах уже не было единства в деятельности коджабаши и димогеронтов, а наблюдались разлад и вражда.[1]

Административно-общественный строй, закрепленный султанскими бератами и другими правительственными актами, создавал сплоченность греческого населения в Крыму, обеспечивал организованность и устойчивость бытовых отношений, привязанность к приобретениям и достижениям греческой культуры и, в частности, к родному языку. Центр управления и суда сносился с народом при помощи греческого языка, который признавался и был официальным языком. На греческом языке

[1] Ф. Хартахай. Христианство в Крыму, стр. 37 — 42; В. Кондараки. История христианства в Тавриде, стр. 21 — 26. Одесса, 1871; А. Арсений. Готская епархия в Крыму ЖМНП, 1873, ч. 165, стр. 75 — 80).

писались и издавались окружные послания и грамоты, составлялись судебные акты и решения, велись хозяйственные и деловые записи. Греческий язык служил органом сношений димогеронтов и других народных избранников с греческим населением сел и городов. Он был и живым разговорным языком народа. На греческом языке, несомненно, происходило и преподавание в немногочисленных городских и сельских школах греков, которые учреждались по почину и существовали на иждивении самого народа. Этот же язык был и главным предметом обучения в немногосложном курсе греческих народных школ.[1]

Но административно-общественный строй, регламентированный в султанских бератах и фирманах, фактически был далек от реальной жизни и быта греков в Крыму. Народное предание, сохранившееся в записях потомков, народные песни и сказки, не исчезнувшие из памяти греков и до настоящего времени, исторические аналогии, иллюстрирующие фактическое положение греков Крыма и соседней Малой Азии, свидетельствуют, что многочисленные правовые предписания, исходившие от представителей турецко-татарской власти, нисколько не препятствовали чиновникам разного ранга подвергать греков резким ограничениям в области автономии, попирать их культурные запросы и стремления, ограничивать и в пользовании родным языком. Особенно тяжело было положение греческих трудящихся масс в тех селах и деревнях, где они жили совместно с татарами и являлись национальным меньшинством. Здесь наблюдался полный упадок греческой культуры, выражавшийся и в том, что греки оставляли и забывали родной язык и говорили на языке татарском. В этом отчасти повинны были и сами греки, в лице своих димогеронтов или коджабаши.

Дело в том, что коджабаши выбирались преимущественно из зажиточных греков. Это были «архонты» среди бедняцких греческих масс, т. е. экономически сильные и влиятельные люди, «кулаки» в крестьянской греческой общине. Это были мелкие феодалы, стянувшие, путем засилья и произвола, земельные крестьянские участки в пределы своих недвижимых владений. Опираясь на власть, которую коджабаши приобретали по силе султанского берата, данного местному греческому архиерею, они вместе с духовенством эксплоатировали трудящиеся греческие массы. Находясь в контакте с турецкими чиновниками, коджабаши нередко были более опасными вредителями экономического благосостояния греческих крестьян и рабочих, чем татары и турки. Во многих греческих общинах право трудящихся

[1] Μ. Παρανίκας. Σχεδίασμα κτλ., σ. 181.

избирать своих димогеронтов или коджабаши было фактически аннулировано: народное представительство, вверявшееся коджабаши, становилось достоянием определенных архонтских или феодальных семейств, переходило по наследству от отца к сыну и тиранически удерживалось немногими лицами в течение десятков лет. Вместе с тем постепенно возрастало и обогащение архонтских фамилий за счет трудящихся, так как в распоряжении коджабаши были разнообразные налоги и повинности, которые они произвольно распределяли по городам и селами. Представителей же турецко-татарской власти коджабаши подкупали подарками. Греческие крестьяне весьма много страдали от внутренних своих врагов — в лице коджабаши, самое наименование которых сделалось в сознании трудящихся масс синонимом насилия и тирании. В классовой борьбе коджабаши-греки объединялись с турецко-татарскими тимариотами и единым фронтом выступали против греческой бедноты. Разделяя классовую идеологию турецко-татарских феодалов, они намеренно отказывались и от греческого языка. Под их именно влиянием и народные греческие массы вынуждались отрекаться от языкового наследия предков.

Греческие народные массы много страдали и от своих митрополитов. По силе султанских бератов, митрополиты собирали с народа особые налоги и поборы — за совершение служб, за водоосвящение, браки, погребение и т. д. Эти поборы взыскивались как деньгами, так и натурой — вином, маслом, медом, фруктами и пр. Ежегодно из митрополии в Кафе по Крыму рассылались особо назначенные митрополитом лица, которые при содействии татарских властей и производили сбор с греческих крестьян и рабочих специальных оброков, а потом привозили все собранные продукты в митрополию, при чем эти продукты освобождались от всяких транзитных пошлин. Между митрополитом и его чиновниками — с одной стороны и греческими трудящимися массами — с другой нередко происходили столкновения и споры на почве исчисления и способа взимания налогов, вызывавшие вмешательство гражданских властей. Показательным в этом отношении документом является фирман турецкого султана Магомета IV, данный в 1652 г. крымскому митрополиту Давиду, который в особом прошении жаловался султану на уклонение греков Крыма от уплаты ему пошлин (ресимов) за религиозные обряды. Султан предписал кадиям Карасубазара, Балаклавы и Гёзлеве (Евпатории), чтобы они помогали митрополиту «требовать, собирать, получать и принимать» ежегодные ресимы с живущих в пределах греческой митрополии попов, монахов и других зиммиев, т. е. платящих харач христиан, в частности — деньги на благотворительные

дела, респи за панаиры (храмовые праздники), браки, за агиазмы (священные источники) и монастыри, часть из наследства умерших попов и монахов, назначенную в пользу митрополии, и «другие митрополичьи доходы».[1] Произвол и насилия со стороны митрополитов и митрополичьих чиновников лишь обостряли классовую борьбу в среде греческого населения Крыма, отрывали народные массы от центров эллинизма и создавали их изолированность в области греческой культуры. Лишь собственными героическими усилиями трудящиеся Крыма защищали национальное достояние — родной язык и ограждали его от разрушительных посягательств со стороны классовых своих врагов.

Наконец, сохранению греческой культуры и родного языка среди греков Крыма содействовали разнообразные их сношения с зарубежным греческим миром, рассеявшимся в пределах Турции. Видную роль в этом отношении имели торговые связи крымских греков с зарубежными соплеменниками. Крым еще в византийскую эпоху вел крупную внешнюю торговлю. В турецко-татарский период торговля Крыма сосредоточивалась преимущественно в руках греков. И в Турции греки в XVII—XVIII вв. вели большую торговлю, преимущественно в Константинополе, на островах Архипелага, в Смирне, Трапезунте и по всему Анатолийскому побережью Черного моря. Торговый греческий флот крейсировал по морям Средиземному, Эгейскому и Черному и повсюду транспортировал разнообразные товары греческого и иностранного производства. Крупным пунктом сбыта этих товаров было югозападное побережье Крыма с его греческим населением, откуда греческие товары распространялись по всему полуострову и транспортировались на север — в пределы России. Греческая торговая продукция в Турции была обильна и разнообразна, особенно в XVIII в., когда новогреческий феодализм стал распадаться и постепенно уступал место молодой греческой буржуазии. Тогда же торговля и мореплавание у греков Турции достигли большого развития, ремесла усовершенствовались в техническом отношении, и производство сделало громадные успехи. Из Македонии и Восточной Румелии чрез порт Фессалоники в Крым вывозились хлопок и табак, из Фессалии шерсть и шерстяные изделия (халаты и плащи), с острова Хиоса, из греческих сел Пелопонниса и Эпира транспортировались шелковые изделия (платки, материи, шарфы), из Аттики вывозилось оливковое масло, из рудников Халкидикийского полуострова серебро, из Ампелакий в Фессалии вата, преимущественно крашеная, с островов Архипелага

[1] Мурат Бей Биярсланов. Фирман Магомета IV крымскому митрополиту Давиду и пр. Изв. Таврич. уч. арх. комиссии, № 7, стр. 81, 82. Симферополь, 1889.

вино; из Трапезунта и городов Анатолийского побережья привозились восточные товары — шелк и мануфактура, драгоценные вещи, а также фрукты, орехи, вина, сладости и т. д. Греческие купцы, крупные и мелкие, капитаны и собственники кораблей, греческие матросы из различных областей Турции находились в постоянном общении с греческим населением Крыма и вместе со своими товарами распространяли среди него свои говоры, знакомили с новыми достижениями в области димотического греческого языка, пропагандировали родную речь. В свою очередь, греки Крыма принимали активное участие в международной торговле и находились в устойчивых экономических сношениях с зарубежными соотечественниками. Из Крыма в Турцию вывозились — меха, мед, воск, кожи, хлеб, соль, рыба, икра. Особый предмет крымской торговли составляли рабы, которые вывозились татарами на рынки Константинополя и Александрии. Наиболее интенсивные торговые сношения у греков Крыма были с греками Анатолийского побережья — городов Трапезунта, Керасунта, Синопа, Орду и больших сел, как Сурмена, Кромна, Санта и др.[1] Торговое общение с греками Понта наиболее глубоко влияло на димотическую речь крымских греков, которая постепенно изменялась в сторону отдельных говоров богатого Понтийского диалекта, проникалась элементами этого диалекта и приобретала органическое с ним сродство. Другое языковое влияние на греческой территории Крыма шло из Константинополя, откуда греческие торговые суда весьма быстро достигали, при благоприятном ветре, портов Крыма и вместе с товарами транспортировали живую эллинскую речь, распространявшуюся константинопольскими моряками среди местного греческого населения. Таким же путем греческое население Крыма входило в языковое общение с греками многих островов Архипелага и даже с греческим населением далекого Эпира.

В XVIII в. торговые дела крымских греков расширились, главным образом, в связи с ростом греческой торговли на Украине. В это время крупную торговлю как на Украине, так и с заграницей развил город Нежин, населенный преимущественно греками, которые были наделены различными льготами в торговых делах и пользовались привилегиями в административно-судебном отношении.[2] Греки Крыма также примкнули к торговому движению, созданному греками Нежина, и вошли с ними в постоянные коммер-

[1] Τριανταφυλλίδης. Οἱ φυγάδες, δράμα εἰς μέρη πέντε μετὰ μακρῶν προλεγομένων περ Πόντου, σ. 31—33 κτλ. Ἀθῆναι 1870; Γ. Κορδᾶτος. Νεοελληνικὴ πολιτικὴ ἱστορία, τ. Α΄, σ. 121 κτλ. Ἀθῆναι, 1925; Ἀ. Παπαδόπουλος. Ὁ Πόντος διὰ τῶν αἰώνων, σ. 19. Ἀθῆναι, 1928.

[2] К. Харлампович. Нариси з історії грецької колонії в Ніжені (XVI — XVIII ст.). Записки історично-філологічного відділу ВАН, кн. XXIV, 1929, стр. 120 и сл.

ческие, равно и вообще в культурные отношения.[1] А так как греческое население Нежина, состоявшее из выходцев из различных греческих областей Турции, пользовалось в торгово-житейском своем обиходе родным языком, имело свои школы с преподаванием на димотическом греческом языке, организовало особое греческое братство для упорядочения всей своей внутренней жизни и поддерживало постоянные культурно-общественные сношения с зарубежным греческим миром, вплоть до далекого Эпира, то и общение крымских греков с Нежином, продолжавшееся свыше столетия, благоприятным образом отразилось на культурном их самосознании и содействовало сохранению родного языка в более или менее близком к общедимотическому языку оформлении.

Затем, греки Крыма находились в постоянном культурном общении с Константинополем, как центром эллинизма, Трапезунтом, где интересы эллинизма никогда не иссякали в своей жизненности и силе, и многими другими анатолийскими городами и большими греческими селами, известными по своей более совершенной организации общин, ремесленных корпораций и общественных учреждений, особенно народных школ.[2] Сельские школы греков Крыма обслуживались учителями преимущественно из малоазийского Понта. Проникнутые началами эллинизма, эти учителя оживляли и поддерживали народно-общественные интересы греков Крыма и содействовали сохранению эллинских устоев жизни и быта, в частности в области родного языка. Так, около 1770 г. в Кафе находились два учителя — Давид и Никифор, оба из Трапезунта, имевшие большое влияние на местную греческую общественность.[3] Постоянный приток общественных работников в Крым был и из Константинополя, причем они неизменно снабжались из центра инструкцией хранить родной язык и создавать благоприятную для его развития обстановку среди трудящихся греческих масс.

Иногда общение крымских греков с эллинским миром выходило за пределы Константинополя и городов по южному черноморскому побережью. Так, известны греческие документы от мая 1715 г. и от 1726 г., свидетельствующие о сношениях греческого населения Готфии и Кафы с далеким Иерусалимом, происходивших при посредстве Константинополя.[4] Следы этого единения получили и иное отражение. В Иерусалимской патриаршей

[1] М. Плохинский. Иноземцы в старой Малороссии. Тр. XII Археол. съезда, т. II, стр. 186, 187 и др. М., 1905.

[2] 'Ε. Κυριακίδης. Ἱστορία τῆς παρὰ τὴν Τραπεζοῦντα μονῆς τῆς Σουμελᾶ, σ. 140, 149, 152, 154.

[3] Μ. Παρανίκας. Σχεδίασμα κτλ, σ. 180, 181.

[4] Καλλίνικος Δελικάνης. Ἐπίσημα ἔγγαφα, τ. II, σ. 484, 489. Κ. 1904.

библиотеке под № 428 хранится греческая рукопись Νομοχάνων πάνυ πλουσιώτατος с следующей припиской: «Настоящая книга написана рукою моей — Лаврентия, иеромонаха из Парамифии в 1665 г., в месяце июне, 25 дня, в городе Кафе, а принадлежит иеромонаху Иллариону из Янины, Синаиту».[1] Таким образом, города Парамифия и Янина в Эпире, Синай и Иерусалим с одной стороны, и Кафа в Крыму с другой—вот пункты культурного общения греков. В той же библиотеке под № 31 находится греческое четвероевангелие XI в., переплетенное в России в XVI в., с припиской иерусалимского патриарха Досифея такого содержания: «1683 г. в Константинополе. Принес настоящую книгу из Таврониса, именно из Кафы, иеромонах Арсений с острова Наксоса и посвятил святому гробу».[2] Кроме того, греческому народу хорошо был известен храм Богоматери Кафатианской (τῶν Καφατιανῶν) в Галате, в Константинополе, напоминавший грекам Турции об их единоплеменниках в Крыму и свидетельствовавший об их национальном взаимообщении.[3]

Были и массовые выселения греков в Крым из различных областей Турецкой империи. Так, после завоевания султаном Магометом II Трапезунтского греческого царства многие семейства греков, спасаясь от турок, переселились в Крым и навсегда здесь осели, объединившись с коренными его жителями от византийских времен; особенно много выселилось из города Керасунта, который совершенно опустел.[4] И в последующее время из малоазийского Понта происходили выселения греков в пределы Крымского ханства, вызывавшиеся тяжелым экономическим положением греческого крестьянства под гнетом турецких феодалов и внутренними смутами в этой области. Так было при султанах Мураде IV (в 1625 г.), Магомете IV (в половине XVII в.).[5] Особое оживление среди греческого населения Турции было вызвано русской морской экспедицией в Архипелаг, совершенной под начальством гр. Орлова во время Русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Целью экспедиции было «учинить туркам диверсию в чувствительном месте» и поднять восстание греков против турецкого правительства. В русской экспедиции приняли участие и греки с различных островов Архипелага и оказали выдающиеся подвиги в сражениях с турками. По заключении

[1] Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Ἱεροσολυμιτικὴ Βιβλιοθήκη, т. II, σ. 544. П., 1894.
[2] Ibid., т. I, σ. 104, П., 1891.
[3] Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμευς. Ἑλληνικὰ κείμενα χρήσιμα τῇ ἱστορίᾳ τῆς Ῥωμουνίας, σ. 279—281, 285. Ἐν Βουκουρεστίῳ 1909; он же. Ἱεροσολυμιτικὴ Βιβλιοθήκη, IV, 383.
[4] I. Fallmerayer. Fragmente aus dem Orient, B. I, S. 211, 212. Stuttgart, 1845.
[5] Τρ. Εὐαγγελίδης. Ἱστορία τῆς Ὀθωμανικῆς αὐτοκρατορίας, σ. 357, 448, 464. Ἀθῆναι 1894; Ἀ. Παπαδόπουλος. Ὁ Πόντος διὰ των αἰώνων, σ. 33.

Кучук-Кайнарджийского трактата между Россией и Турцией (1774 г.), греки, находившиеся на русской службе и принимавшие участие в войне с турками, заявили о своей готовности переселиться в Россию, причем им были даны разные льготы и преимущества. Первое выселение греков с островов Архипелага состоялось в 1775 г. Для их поселения были назначены города Таганрог, Керчь и Еникале. Греки образовали особый пехотный полк, под именем «Албанского», и несли службу русскому правительству. В 1783 г. греческий полк был переведен из Керчи и Еникале в Балаклаву и нес кордонную службу по черноморскому побережью от Севастополя до Феодосии (Кафы). В тот же период с островов Архипелага, при содействии греческого капитана Мавромихали и под покровительством кн. Потемкина, весьма благосклонно относившегося к грекам, переселились в Крым и многие иные греческие семейства, которые, оказавшись в среде своих единоплеменников, занялись хлебопашеством, виноделием и рыбною ловлею.[1] Несомненно, этот приток свежих сил в среду крымских греков имел, наряду с иными последствиями, благоприятное влияние на сохранение и развитие родного языка, восполнив его, в силу естественного общения греков, элементами народной греческой речи, бытовавшей на островах Архипелага. Не говорим уже о переселении в среду греков Крыма отдельных лиц, более или менее влиятельных в греческой общественной среде, целых семейств и небольших групп из состава греческого населения Турции, о которых в греческих исторических памятниках сохранились небольшие заметки или случайные сообщения. Так, в 1777 г. бежал в Крым митрополит Древних Патр в Пелопоннисе, Парфений Иоанниди, известный своим образованием, вместе с другими греческими архиереями и некоторыми зажиточными греками, так как все они, по своим симпатиям к России, навлекли на себя со стороны турецких властей подозрение в политической неблагонадежности.[2]

Под воздействием указанных исторических факторов греческое население Крыма, в течение трех веков находившееся под двойственным татарско-турецким господством, сохранило свою национальную самостоятельность, духовную культуру и родной язык. Греческая речь непрерывно звучала на территории Крыма от древнего времени и византийской эпохи до середины XVIII в., когда греки выселились в пределы нынешнего Мариупольского

[1] С. Сафонов. Остатки греческих легионов в России или нынешнее население Балаклавы. Истор. очерк. Зап Одесск. общ. ист. и древн., т. I, стр. 205—239; С. Жигарев. Русская политика в восточном вопросе, т. I, стр. 175 и др. М., 1896. Ср. Т. Ю. Теохаріді. Грецька військова колонізація на півдні Україні и пр., стр. 9 и сл.. Од., 1930.

[2] Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Ἑλληνικὰ κείμενα χρήσιμα τῇ ἱστορίᾳ τῆς Ῥωμουνίας, σ. 188.

округа. Греческий язык имел и официальное применение в административно-судебных сношениях греческих общин с представителями местной автономной власти. На нем происходило обучение в народных греческих школах. При помощи языка поддерживалось и разностороннее культурное общение крымских греков с зарубежным греческим миром. На греческом языке распевались греческие народные песни, рассказывались сказки. Нередко из Турции проникали к крымским грекам и книги греческой печати, которые читались ими и закрепляли органическую связь местных говоров с общегреческим литературным и народно-разговорным языком.

Но, конечно, не во всех греческих поселениях язык сохранялся в одинаковой неповрежденности. Вековая оторванность крымских греков от крупных центров эллинизма неизбежно должна была отразиться на его чистоте. Эволюция греческих говоров в Крыму шла своим особым путем. В тех селах и деревнях, где греческое население представляло сплошную массу или было преобладающим, греческий разговорный язык сохранил большую неповрежденность и ближе примыкал к основным разветвлениям общего разговорного языка (κοινὴ λαλουμένη γλῶσσα), употреблявшегося среди греческого населения Турции. Но там, где греки составляли меньшинство сравнительно с татарским населением, греческий язык терял свою чистоту, засорялся чуждыми ему татарско-турецкими элементами, являлся языком «испорченным». Иногда же греки и совершенно забывали свой родной язык, принимали язык господствующей народности — татарский и являлись пред лицом всего греческого мира «татами», т. е. изменниками.[1]

В этом отношении с греками Крыма произошло то же, что наблюдалось и в Малой Азии среди греческого населения областей Амасии, Халдии и Кесарии Каппадокийской, которое в течение веков проживало в сплошном окружении турок, забыло греческий язык и восприняло язык турецкий, сделавшийся общим разговорным языком.[2] И в Крыму, и в Малой Азии действовали одинаковые факторы, которые и привели к тождественному результату. То были — социально-экономический гнет со стороны турецко-татарского правительства и чиновничества в отношении греческой бедноты, классовое расслоение греческой деревни, где коджибаши и клирики, объединившись с турецко-татарскими чиновниками и тимариотами, находились на положении феодалов в отношении трудящихся греческих масс, — полное

[1] В. Филоненко. К вопросу о происхождении и значении слова «тат». Изв. Тавр. общ. ист., археол. и этногр., т. II (59-й), стр., 132. Симферополь, 1928.

[2] Στ. Ἀντωνόπουλος. Μικρὰ Ἀσία, σ. 57—72. Ἀθῆναι 1907; Κ. Παπαμιχαλόπουλος. Περιήγησις εἰς τὸν Πόντον, σ. 146. κτλ. Ἀθῆναι, 1903.

игнорирование культурных запросов этих масс со стороны привилегированных классов. Но примечательно то, что греки-туркофоны, восприняв внешность, обычаи и даже язык своих классовых врагов, оставались христианами-ортодоксами. И греки Крыма, хотя и были «татами» в отношении родного языка, сохранили веру предков. И те и другие, наравне с греками-эллинофонами, называли себя, как и теперь называют, «рум», т. е. ромэями (ῥωμαῖοι), иначе греками-византийцами. В этом историческом наименовании, в высшей степени характерном для эллинизма, кристаллизовалась идея классовой борьбы, выношенная сознанием трудящихся греческих масс в течение многих веков и засвидетельствованная систематическим социально-экономическим их угнетением.

В середине XVIII в., накануне эмиграции греков из Крыма в пределы Украины, они вполне отчетливо диференцировались в языковом отношении, а равно обособились и по территориальному своему размещению. Греки, говорившие на эллинском языке, жили преимущественно на территории бывшей Сугдейской области, в округах Кафы и Сугдеи, в селах, расположенных в верховьях рек Индала, Кучук-Карасу и Биюк-Карасу, по отрогам горы Яйлы, равно в селах по всему югозападному побережью вплоть до Ялты, со включением восточной прибрежной части бывшей Готской области. Примечательно, что греки, жившие в городах на этой территории, именно в Феодосии или Кафе, Старом Крыму, Карасубазаре, равно в Судаке, говорили на татарском языке, так как татарское население было в городах преобладающим и подавляло экономически маломощную и малочисленную часть греческого населения. Но в селах, расположенных вдали от татарских центров и за пределами экономического угнетения, греки, составлявшие наибольшую часть населения, говорили на родном языке. Греками-эллинофонами были, в частности, населены следующие села: Чермалык, Айланма, Шелеи, Капсихор, Сартана, Чердаклы, Каракоба, Байсу, Енисала, Ени-Кой, Джемрек, Уйшун, Аргын-Каракоба, Кучук-Узень, Куру-Узень, Улу-Узень, Демерджили или Фуна, Салт-Енисала, Алушта, Биюк-Ламбат, Кучук-Ламбат, Гурзуф, Кизиль-таш, Никита, Магарач, Марсанда, Ялта, Аутка, Стила и др. Эти села или составляли густую сеть греческих поселений, как это было в западной части Сугдейской области, или тянулись по побережью от Судака до Ялты, с захватом немногих крупных (как Салт-Енисала и Стила) сел на западных отрогах Яйлы, по соседству с греческими селами, в которых греки говорили на татарском языке. Греками-татарофонами были населены, в частности, следующие села в пределах бывшей Фулльской области, с центром в Бахчисарае: Умаклы, Мангуш,

Бешев, Енисала, Шурю, Бия-Сала, Качи-Кальен; в бывшей Готской области, с центром в Инкермане: Черкес-Кермен, Мармора, Албат, Лака, Улу-Сала, Керменчик, Богатырь; в бывшей Херсонской области, с Балаклавой в центре: Карань, Камара, Алсу, Ласпи и др.[1] Значит, греки татарофоны жили, главным образом, в югозападном отрезке Крымского полуострова, в Бахчисарайском каймаканстве, в его кадалыках Бахчисарайском, Мангупском, Каракуртском и Муфти-Арпалыкском, а равно в Акмечетском каймаканстве, т. е. там, где татарский массив являлся сплошным и господствующим.[2]

И вот, в то время как часть греческого населения югозападного Крыма приняла язык господствовавшей татарской народности, другая его половина, жившая к востоку от экономически сильного татарского массива, в условиях более благоприятных для классовой борьбы, сохранила родной язык в некоторой неповрежденности и в органическом объединении с общегреческою речью трудящихся масс и в течение веков пользовалась им, как живым разговорным языком. И это национальное греческое меньшинство Крыма, пронесшее светильник родной речи немерцающим среди густого мрака XV—XVIII вв., явилось с драгоценным своим достоянием и на территорию нынешних Мариупольского и Сталинского округов, где греческий язык вступил в новый период своей исторической жизни, в связи с общим социально-экономическим положением всего греческого населения в этом крае.

---

[1] А. Л. Бертье-Делагард. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде, стр. 7—9. Симферополь, 1920

[2] Ф. Лашков. Камеральное описание Крыма 1784 г. Изв. Тавр. уч. арх. комиссии, № 7, стр. 32 и сл